

МОЙ ДРУГ АЛЖИРЕЦ

СЕМБЕН УСМАН
Сенегальский писатель

После окончания второй мировой войны, демобилизовавшись из французской армии, Сембен Усман несколько лет работал докером в марсельском порту. Новелла «Мой друг алжирец» написана им в память об одном из его товарищей-грузчиков.

СТРАННОЙ внешностью обладал мой друг. Кожа да кости, скуластое лицо, под скулами впадины, глубокие морщины возле губ. Над высоким чистым лбом — залысины мудреца. Под чашей густых черных бровей и длинных изогнутых ресниц притаились карие глаза, насмешливые, с хитринкой. И цвет кожи не такой, как обычно у алжирцев. Его лицо напоминало старинную бронзу — матового оттенка, благородной скромности. Если вам довелось видеть восход солнца в Африке, то вы, вероятно, заметили: именно такой оттенок принимает африканская земля на заре.

Он не был стройным, этот докер-алжирец. Разгружая тяжелые ящики, он когда-то повредил себе позвоночник. Поэтому теперь его левое плечо всегда оставалось приподнятым, а правая рука свисала ниже левой. Как все старые докеры, он обматывал поясницу куском красной фланели: испытанное средство против прострела на сквозном ветру.

Он был трюмным грузчиком. Его прислали в нашу бригаду на смену одному из докеров, попавшему накануне в аварию. Рано утром, когда я впервые увидел своего нового напарника, сердце у меня сжалось... «Ведь это не человек, а развалина», — подумал я с тоской. Но Шайба — так звали нашего нового товарища — держался подчеркнуто независимо, даже гордо. Униженный, искалеченный, нищий, он ревностно и страстно оберегал свое достоинство.

Когда мы познакомились поближе, Шайба рассказал мне, что работает в марсельском порту почти двадцать пять лет. Двадцать пять лет грузчиком, и почти всегда в темном трюме...

Он стал моим напарником. Долгие часы тяжелой разгрузки, смены, недели, месяцы проработали мы рядом, плечо к плечу. Ни о какой механизации и речи не было. Шайба оказался самым лучшим напарником из всех, с какими довелось мне столкнуться. И дело не только в том, что опыта у него было гораздо больше, чем у меня: взмахнув ресницами, бросив один только взгляд на груз, он мгновенно соображал, как лучше нам ставить ящик — вертикально, на бочок или плашмя. Мы с ним чувствовали, думали, соображали одинаково. Мы не перекикивались взглядом, мы поднимали груз, кантовали его или толкали, выбирая именно ту операцию, какая в данном случае была самой целесообразной.

Не знаю, случилось ли вам когда-нибудь работать на погрузке, но всякий, кому пришлось заниматься этим, поймет меня: с иным напарником вам не поднять и перышка; другой же и хороший грузчик, да обо всем приходится с ним перекикиваться под корабельный грохот и лязг, зато посчастливится — найдете парня под стать себе. Шайба был именно такой напарник.

На заработки во Францию он приехал из Алжира. О своей родной деревушке Шайба рассказывал мало. Там по всей округе хозяйничали кайды

и черноногие¹. Он выписал в Марсель свою жену и детей. Он любил Францию, своих товарищей — докеров и матросов-французов, ненавидел каидов и черноногих.

Круг радостей старого докера-алжирца был невелик: семья, «шимма» — нюхательный табак — да еще кино.

Когда Шайба нюхал свою «шимму», его глаза за завесой ресниц сияли от удовольствия.

О кино он любил рассказывать очень подробно. Каждое воскресенье он с женой и детьми отправлялся смотреть новую картину. Они посещали всегда один и тот же захудалый кинотеатр на улице Доминиканцев. Там показывали фильмы, дублированные на арабском языке. Потом семья возвращалась в свою убогую комнатуху...

Так проходило его воскресенье. А по будням — порт, трюм парохода, грузы... Мы работали рядом. Он был, казалось, неутомим. Бывало, грузит две смены подряд: нужно платить за жилье, нужно послать денег старикам в Алжир...

В то утро мы тоже отработали две смены — день и ночь. Закончили срочную разгрузку к шести часам утра. Из порта возвращались втроем: один докер-европеец, Шайба и я. Устали, но настроение было хорошее. Когда проходили мимо контрольного поста на улице Кольбер, нас остановили полицейские-велосипедисты. Стали проверять наши документы. Все было в порядке, но они почему-то задержали Шайбу.

Три дня он просидел под арестом в полицейском участке. За что? Почему? Никто ничего не объяснял.

Потом Шайба вернулся на работу. Но не прошло недели, чтобы его не вызвали в полицию. Эти вызовы изводили его, трепали ему нервы. Он перестал смеяться и шутить. Кончились его рассказы о фильмах. Воскресные посещения кино прекратились...

Потом я уехал в Сенегал и потерял из виду своего замечательного напарника. На днях разворачиваю марсельскую газету и читаю: Шайба был задержан в связи с алжирскими «мятежниками». Его арестовали, выслали из Франции, бросили в концентрационный лагерь. «При попытке к бегству с оружием в руках», сообщила газета колонизаторов, — опасный террорист Шайба был убит.

Когда мы с Шайбой работали в марсельском порту, алжирская война шла уже шестой год. Он никогда не говорил мне, как относится к этой войне. Но я понимал, что у него были все основания ненавидеть каидов и черноногих. Шайба не был «опасным террористом». Мы его знали: это был человек труда. Он любил Алжир — свою родину, любил свою жену, детей, стариков, оставшихся в деревне... У Шайбы были свои слабости: кино на улице Доминиканцев, понюшка «шиммы»... Но он никогда не терял себя, не терял чувства человеческого достоинства, не продавался, а зарабатывал свой хлеб тяжелым трудом.

...Лицо моего друга было, как земля нашей Африки под первыми лучами восходящего солнца, солнца свободы на заре новой жизни.

Перевел с французского
С. Волк

¹ Каиды — мелкие чиновники, сборщики налогов, намербованные колониальной администрацией из алжирцев. Черноногими в Алжире называют реакционно настроенную белую молодежь, новое поколение европейских колонистов, родившееся в Алжире. Они пополняют ряды расистских террористических организаций ультра (Прим. автора).

«Вайянг-пурво»

принадлежит

народу

Н. МИТРОФАНОВ

В ОБШИРНОЙ сокровищнице национальной культуры Индонезии особое место занимает глубоко национальное искусство теневого театра, называемое у индонезийцев «вайянг-кулит» (буквально «кожаные тени») или «вайянг-пурво» («тени прошлого»).

Это искусство, нашедшее широкое распространение у яванцев и балийцев — двух национальностей, родственных по происхождению и типу культуры, но различных по религии, представляет собой интереснейший памятник богатейшей древней культуры Индонезии, дает неисчерпаемый материал для изучения фольклора, истории, быта, философии и психологического склада ее народа.

В своей работе «Вайянг-пурво», его происхождение и развитие», вышедшей в 1961 году в Джакарте, один из руководителей Компартии Индонезии Сакирман подчеркивает, что «вайянг-пурво» в его чистой форме представляет собой отражение духовной жизни индонезийского народа.

Каково происхождение «вайянг-пурво»? Само слово «вайянг» (тень) показывает связь этого искусства с древними поверьями, с религией прошлых времен. Стремление войти в контакт с душами умерших предков привело у индонезийцев к созданию первых фигурок «вайянга». Таким образом, на раннем этапе своего развития «вайянг-пурво» был несомненно связан с религией, с культом почитания предков.

В ходе мистерий был необходим жрец-посредник, медиум между миром живых и миром мертвых. Отсюда появляется даланг — (кукловод) «вайянг-пурво».

Как выглядит представление индонезийского театра теней в его современном виде? На двух стояках укрепляется белый холст. По одну сторону его садятся зрители, по другую — даланг со своим реквизитом и оркестром. Над головой даланга — лампа, ярко освещающая экран (представление начинается ночью, в темноте), слева — сундук со сделанными из кожи фигурками, каждая из которых насажена на роговую палочку. Острием своим палочки вставляются в банановые стволы, лежащие у ног сидящего по-турецки даланга. Насаженные на палочки фигурки отбрасывают на экран тень. Один из банановых стволов помещен чуть выше другого и предназначен для тех фигурок, которые изображают главных героев пьесы. Позади даланга полукругом располагается «гамелан» (оркестр), состоящий почти целиком из ударных инструментов.

Даланг передвигает фигурки, произносит текст за всех героев пьесы, в нужные моменты стучит